
«С русским размахом и американской деловитостью»: коллективные и индивидуальные формы организации исследований в Институте истории АН СССР

Vitaliy Tikhonov

«With a Russian scope and American efficiency»: collective and individual forms of research organization at the Institute of History the USSR Academy of Sciences

Vitaliy Tikhonov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870016624-7

Исследование институциональной истории советской исторической науки во многом только начинается¹. Относительно недавно в рамках этого подхода началось полноценное изучение Института истории АН СССР². Но чаще всего «институциональность» оказывается лишь предметной рамкой для исследования истории науки через призму жизни и творчества историков, работавших в том или ином учреждении. Впрочем, некоторые учёные достаточно плодотворно применили элементы неоинституционального подхода: анализа неформальных институтов и практик³. Между тем именно особенности организационных

© 2021 г. В.В. Тихонов

¹ Из недавних публикаций следует отметить: *Груздинская В.С., Клюев А.И., Метель О.В.* Очерки истории институциональной структуры советской исторической науки 1920—1930-х гг. Омск, 2018. Интересно, что больше всего из исторических институтов «повезло» Институту Маркса—Энгельса—Ленина (ИМЭЛ), которому посвящены две монографии: *Мосолов В.Г.* ИМЭЛ — цитадель партийной ортодоксии. Из истории Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 1921—1956. М., 2010; *Мухамеджанов М.М.* От власти идеи к идее власти. Из истории Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.; СПб., 2018. Возможно, это связано с тем, что Институт давно стал историей, что создало для исследователей необходимую хронологическую, идеологическую и социальную дистанцию.

² См.: *Шарова А.В.* Историк и время. Маленькие радости большого террора: первые годы Института истории АН СССР // *Одиссей: Человек в истории.* 2004. М., 2004. С. 318—350; *Вовина-Лебедева В.Г.* Историко-археологический институт и Ленинградское отделение Института истории в 1930-х гг. // Из истории ЛОИИ. СПб., 2015. С. 6—67; *Бухарин М.Д., Карпюк С.Г.* Как создавался Институт всеобщей истории АН СССР // *Вестник Российской академии наук.* 2019. Т. 89. № 11. С. 1162—1168; *Зинич М.С.* Институт истории Академии наук СССР в 1941—1942 гг.: эвакуация и работа в новых условиях // *Архивный поиск. Сборник научных статей и публикаций.* Вып. 3. М., 2020. С. 14—30; *Базанов М.А.* Отложенная реорганизация: первая попытка разделения Института истории АН СССР (1955—1957) // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.* 2019. № 1. С. 39—48; *Пивоваров Н.Ю., Тихонов В.В.* «Штатов — избылье, порядок снова нет»: к истории разделения Института истории АН СССР в 1968 г. // *Российская история.* 2020. № 3. С. 173—184; *Бухарин М.Д., Карпюк С.Г.* Институт всеобщей истории АН СССР в эпоху перемен // *Вестник Российской академии наук.* Т. 90. 2020. № 7. С. 647—652; и др.

³ *Сидорова Л.А.* Советская историческая наука середины XX века: синтез трёх поколений историков. М., 2008; *Тихонов В.В.* Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х — 1953 г.). М.; СПб., 2016; *Дубровский А.М.* Власть и историческая мысль в СССР (1930—1950-е гг.). М., 2017; *Крих С.Б.* Другая история: «периферийная» советская наука о древности. М., 2020.

форм науки напрямую влияли на процесс производства исторического знания, его содержание и качественные характеристики.

Одной из главных проблем истории академических институтов обществоведческого профиля является непрекращающийся поиск оптимальных форм организации исследовательской деятельности. Что должно превалировать в работе научного сотрудника: индивидуальное творчество или совместная работа, авторская монография или коллективный труд? В определённом смысле этот вопрос пронизывает всю историю Института истории/Института истории СССР АН СССР/Института российской истории РАН.

В дореволюционное время исторические исследования проводились в университетах, научных обществах и Академии наук, где доминировал индивидуальный труд. Впрочем, существовали и коллективные формы наукотворчества: без них невозможно обойтись в археологии (достаточно вспомнить Русский археологический институт в Константинополе, открытый в 1894 г.) и археографии (например, Археографическая комиссия). Большими коллективами готовились обобщающие юбилейные труды. Но нормой являлось именно авторское исследование. Пришедшие к власти большевики смотрели на старые учреждения как на центры засилья «буржуазной» интеллигенции, поэтому на протяжении 1920-х гг. развернулась череда реформ образования и академической науки. На первый план выходили научно-исследовательские институты (НИИ).

Стимулом к их развитию послужила Первая мировая война, потребовавшая мобилизации ресурсов на наиболее важных участках науки и производства, в той или иной мере связанных с военными нуждами⁴. Большевики рассматривали НИИ как главную форму организации исследований. Отчасти это обуславливалось опытом Французской революции⁵, на которую они регулярно оглядывались, отчасти — собственным опытом, приобретённым в годы Гражданской войны, когда пришлось в короткий срок мобилизовать ограниченные ресурсы. Ставка на этот тип организации научных исследований объяснялась и общей эволюцией мировой науки от индивидуального к коллективному исследованию. Эксперименты и аппаратура стали настолько сложны, что с ними мог справиться только коллектив высококлассных специалистов. Совместное научное творчество хорошо вписывались и в идейные установки новой власти. Многим казалось, что время учёного-одиночки безвозвратно ушло в прошлое.

Если говорить о более широком фоне развития указанных форм организации науки, то их можно рассматривать в контексте построения современного государства⁶ и общества в рамках советского проекта. По наблюдению С. Коткина, модернность идентифицируется через триаду «массовое производство — массовая культура — массовая политика»⁷. В этой связи уместно говорить о «массовом производстве» научного знания, становящегося неотъемлемым элементом и производства, и культуры, и политики. Идеалом индустриальной эпохи оказывается «индустриальная наука», организованная по

⁴ Подробнее см.: *Колчинский Э.И., Зенкевич С.И., Ермолаев А.И., Ретунская С.В., Самокиш А.В.* Мобилизация и реорганизация российской науки и образования в годы Первой мировой войны. СПб., 2018. Гл. 9.

⁵ О французском опыте мобилизации науки в революционных условиях и создании специализированных институтов см.: *Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки.* СПб., 2003. Гл. 3.

⁶ Обзор дискуссии о модерности применительно к советской истории: *Дэвид-Фокс М.* Пересекая границы: модернность, идеология и культура в России и Советском Союзе. М., 2020. Гл. 1.

⁷ *Kotkin S.* Modern times: the Soviet Union and the Interwar conjuncture // *Kritika.* 2000. Vol. 2. № 1. P. 111—164.

принципу массового производства. Одиночки сменяются коллективами, построенными по лабораторно-конвейерному принципу.

Выражая дух эпохи, директор ИМЭЛ Д.Б. Рязанов писал неперемennomу секретарю АН СССР С.Ф. Ольденбургу 18 января 1929 г.: «Время академий прошло, они отжили свой век. Наша эпоха — эпоха научно-исследовательских институтов. Научные учреждения, не только в области естественных, но и гуманитарных наук, должны стать лабораториями, где ведут подлинную коллективную исследовательскую работу»⁸. Одним из активных сторонников перехода к новым формам организации науки являлся Н.И. Бухарин, заявивший в 1931 г. на I всесоюзной конференции по планированию научно-исследовательской работы: «Тенденция к коллективной организации науки, к упорядочиванию её, к сознательному приспособлению её практическим нуждам глубоко прогрессивна. Но её душит анархическая, лоскутная природа капитализма, раздираемого конкуренцией. Условия планового социалистического хозяйства, наоборот, распахивают ворота этой тенденции, ставя её на принципиально другую классовую основу, заставляя её служить делу социализма»⁹. Таким образом коллективные формы исследований тесно увязывались с плановой организацией общества. Но подобные установки не учитывали специфику отдельных дисциплин, в первую очередь гуманитарного профиля, где коллективизм не давал ожидаемой отдачи. К противоречивым последствиям привело разделение университетов и НИИ¹⁰. Научные изыскания в вузах не прекратились, но отошли на второй план.

Уже в 1920—1930-х гг. историческая наука развивалась преимущественно в формате научных институтов. В Москве появился Институт истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН; 1921—1929). В Ленинграде работала Российская, затем Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК; 1919—1937). Особое место занимала Коммунистическая академия, возникшая на базе Социалистической академии общественных наук (1919—1924). Она должна была не только развивать марксистскую науку, но и апробировать новые формы её организации, соответствующие принципам советского проекта: высокая централизация, плановость, идеологизация, тесная связь теории и практики. Е.А. Преображенский сравнивал новую академию с Госпланом, рассматривая её как центр объединения усилий марксистов¹¹. С начала 1930-х гг. внутри академии можно было наблюдать переход к коллективным формам производства знания в виде бригад, между которыми организовывалось социалистическое соревнование¹². Однако действительность (многочисленные проблемы с кадровым составом, материальными ресурсами, простая бытовая неустроенность) не позволяла марксистам работать под эгидой академии как единый меха-

⁸ РГАНИ, ф. 3, оп. 33, д. 123, л. 46.

⁹ Бухарин Н.И. О планировании научно-исследовательской работы // Бухарин Н.И. Избранные труды: история и организация науки и техники. Л., 1988. С. 327.

¹⁰ Грэхэм Л. Очерки истории российской и советской науки. М., 1998. С. 198—200.

¹¹ Гильминтинов Р.Р. Истпроф и особенности профсоюзного историописания в СССР в 1920-е гг. Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2019. С. 65.

¹² Метель О.В. От «рассадника социалистических идей» к «орудию социалистической реконструкции»: основные этапы эволюции Коммунистической академии // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2018. № 2. С. 140.

низм. В 1936 г. не оправдавшую надежд Коммунистическую академию слили с АН СССР¹³.

Своеобразной формой сочетания принципов НИИ с массовым движением явились историко-документальные проекты: Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б) (истпарт), Комиссия по изучению истории профессионального движения в России и СССР (истпроф), Главная редакция «Истории гражданской войны», редакция «Истории фабрик и заводов»¹⁴ и т.д. Именно в их рамках наиболее рельефно проявилась конвейерная модель производства исторического знания. Для реализации столь масштабных замыслов требовалось привлечение к работе множества непрофессионалов. Для них были разработаны специальные методички по сбору и работе с источниками, а сам процесс организован на принципах разделения труда. Но и здесь реальность скорректировала планы, и зачастую всю работу приходилось выполнять узкой группе людей.

Институт истории АН СССР (ИИ) стал продолжением всех перечисленных форм организации науки. Не в последнюю очередь из-за того, что его основой стали как «старые» академические институты (в первую очередь Историко-археографический институт, образованный в 1931 г. и являвшийся наследником Археографической и Постоянной исторической комиссий), так и собственно Институт истории Комакадемии. После разгрома «школы Покровского» на первые роли в советской исторической науке вернулись «историки старой школы» — носители дореволюционной традиции индивидуального научного творчества. Поэтому с самого начала работы нового института возникли вопросы принципов организации научной работы. Что должно быть во главе угла — монографии или коллективные работы? Интересно, что в вопросах организации труда «значимым иным» для советских учёных оказывались США. Так, первый директор ИИ Н.М. Лукин в объяснительной записке по проекту создания в Отделении общественных наук Академии наук особой исторической группы, в которую бы вошли институты обществovedческого профиля во главе с возглавляемым им институтом, писал, цитируя И.В. Сталина: «Новый Институт должен обладать такими мощными средствами и такими кадрами людей, чтобы он “с русским размахом и американской деловитостью” мог развернуть такую работу в области изучения истории, которая была бы достойной нашей великой эпохи»¹⁵. Записка рисовала идеал централизованной, масштабной и плановой науки. «Научный конвейер» оказывался привлекательной моделью его воплощения. Основой работы должны были стать коллективные труды.

Именно такая установка реализовывалась в предвоенные годы. Во многом это объяснялось тем, что власти требовали от ИИ скорейшего решения проблем с учебниками для школы и вузов. Также Институт выступал центром подготовки обобщающих многотомных историй, целью которых являлись разработка и фактографическое наполнение марксистско-ленинско-сталинской версии отечественной и мировой истории. В дальнейшем эти издания должны были послужить концептуальным ориентиром для советских историков

¹³ См.: Долгова Е.А. Рождение советской науки: учёные в 1920—1930-е гг. М., 2020.

¹⁴ См.: Журавлёв С.В. Феномен «Истории фабрик и заводов»: Горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов. М., 1997.

¹⁵ «Центром исторической науки в СССР должен быть Институт истории Академии наук»: Проект директора института академика Н.М. Лукина. 1936 г. / Публ. В.В. Тихонова, А.А. Чернобаева // Исторический архив. 2021. №2. С.77.

и, по меткому замечанию С.Г. Карпюка и С.Б. Криха, «продаваемой» идеей для государства¹⁶. Их подготовка и издание наглядно продемонстрировали бы эффективность работы ИИ.

Центральным «объектом» для Института стала многотомная «Всемирная история»¹⁷. Предполагалось, что в 1938—1939 г. будет подготовлено шесть томов объёмом более 200 печатных листов¹⁸. Но вскоре издание расширилось: в 1937 г. речь шла уже о 30-томнике¹⁹, а в 1938 г. Лукин говорил о 26-томнике²⁰. Параллельно шла работа над «Историей СССР» (в документах фигурирует и другое название — «История народов СССР»). Издание планировалось в пяти томах общим объёмом 200 печатных листов. Проект возглавлял Б.Д. Греков. Предполагалось, что уже в 1938 г. будут готовы первые три тома, а в следующем году — оставшиеся два²¹. Но издание пришлось расширять до семи томов²², затем предлагалось выпустить 30 томов, наконец, остановились на 15²³.

Вопрос о соотношении индивидуальных и коллективных исследований стал предметом обсуждения на Учёном совете ИИ 15 сентября 1937 г., посвящённом тематическому плану на следующий год. Ряд выступавших считали, что основной упор требуется сделать на многотомники. О выдвигании коллективных работ на первый план говорилось и на заседании парткома. Опасения, что подобные установки приведут к резкому сокращению монографической исследовательской работы, высказал С.К. Бушуев. Обтекаемую позицию занял В.П. Волгин, поддержавший опасения потенциального сворачивания монографий и призвавший «подчинить» отдельные работы задачам написания обобщающих трудов по всемирной истории и истории народов СССР, но при этом «свести к нулю монографические работы — это вырвать живую душу из Института... Монографии и публикации должны быть сохранены, но и те и другие должны быть подчинены плану написания всемирной истории и истории народов СССР»²⁴. В.М. Хвостов указал на опасность «антимонографических настроений», поскольку невозможно подготовить качественную обобщающую работу без её предварительной монографической разработки. Б.Д. Греков заверил, что опасности сворачивания монографических исследований нет, поскольку каждая такая работа полезна для многотомников. П.Н. Шарова, выступившая от имени партбюро, заявила, что речи о сворачивании монографий нет и они должны помочь выполнить задачи новой пятилетки.

Не остались в стороне от обсуждения и «коллективисты». Р.М. Раимов заявил, что создание обобщающих трудов также является формой научно-иссле-

¹⁶ Карпюк С.Г., Крих С.Б. Работа над «Всемирной историей» в довоенный период: поиски управленческой модели // Вестник древней истории. 2018. Т. 78. № 4. С. 1015.

¹⁷ Об особенностях её подготовки и организации работы см.: Карпюк С.Г., Крих С.Б. Работа над «Всемирной историей» в довоенный период: плоды усилий // Вестник древней истории. Т. 79. 2019. № 1. С. 136—151.

¹⁸ Крих С.Б., Метель О.В. Советская историография древности: структуры, люди, идеи. Путеводитель по советской науке о древней истории. М., 2019. С. 57—58.

¹⁹ АРАН, ф. 1577, оп. 5, д. 88, л. 70.

²⁰ Очерки истории исторической науки. Т. V. М., 1985. С. 9.

²¹ План-проспект издания см.: Схема пятитомника по истории СССР // Историк-марксист. 1937. Кн. 1. С. 174—204; Хроника работы сектора «История СССР» Института истории Академии наук СССР [не позднее декабря 1937 г.] // Институт истории Академии наук СССР в документах и материалах. Вып. 1. М., 2016. С. 39—47.

²² Очерки истории исторической науки. Т. V. С. 9.

²³ АРАН, ф. 1577, оп. 5, д. 88, л. 70.

²⁴ Там же, л. 84.

довательской работы, и предостерег от обратного процесса — «форсирования монографий», т.е. ускоренной разработки конкретных тем в ущерб коллективным трудам. А.Л. Попов признал необходимость интенсивной разработки авторских тем («форсирование монографий»), но предложил организовать работу «коллективным путём», т.е. «путём объединения вокруг... руководителя группы привлекаемых молодых работников. Это ускорит работу монографиста и даст практику работы молодым исследователям». Попов назвал это «европеизацией или американизацией типа работы»²⁵. Следует отметить, что предложенные принципы вполне вписывались в пропагандировавшиеся в 1930-е гг. методы повышения эффективности труда, частично заимствованные в США²⁶.

Без сомнения, главными для Института являлись коллективные труды²⁷. Но эффективной работе над ними мешало несколько факторов: недостаток специалистов, обусловленный высокой текучкой кадров (в том числе связанный и с регулярными арестами), быстро меняющаяся политическая конъюнктура, разногласия внутри авторских коллективов по ключевым вопросам. Как следствие, ни один из вышеуказанных проектов до войны не был реализован. Малоэффективной следует признать и организацию работы над другими плановыми темами. Из-за авралов приходилось ломать и без того трудновыполнимые планы и перебрасывать сотрудников с одной темы на другую. Как следствие, толком не выполнялась ни одна²⁸. Дополнительные проблемы приносили периодические кампании повышения бдительности и дисциплины²⁹. Естественно, что организовать эффективную работу коллектива в таких условиях оказывалось непросто. Научное планирование отразило все пороки сталинской модели управления: планов фактически никто не придерживался, а грамотное управление подменялось штурмовщиной, вносившей дополнительную дезорганизацию.

Военные годы и первое послевоенное десятилетие принципиально не изменили ситуацию — упор всё ещё делался на коллективные труды. По бригадному принципу историко-документальных проектов 1920—1930-х гг. работала Комиссия по истории Великой Отечественной войны, тесно сотрудничавшая с Институтом. 9 ноября 1943 г. на Учёном совете ИИ прошло обсуждение перспективного плана работы в послевоенное время. Предлагалось вернуться к подготовке многотомной «Всемирной истории», закончить «Историю Москвы» и опубликовать её к 800-летию юбилею столицы (причём закончить первый

²⁵ Там же, л. 104.

²⁶ Практика выстраивания работы вокруг маститых учёных сохранилась и в дальнейшем. Молодые сотрудники Института помогали мэтрам в подборе материалов, работали на них в архивах, редактировали и вычитывали рукописи. Считалось, что это необходимый этап становления. На деле для тех, кто обладал здоровыми научными амбициями, это была малопривлекательная работа, тормозившая собственные изыскания и фактически превращавшаяся в барщину. Ю.А. Поляков вспоминал, как его прикрепили для помощи к доктору наук, над рукописью которого необходимо было серьёзно поработать: «Я полгода занимался этим неблагодарным делом, а автор — доктор наук — торопил и понукал меня, искренне полагая, что я обязан посвятить его рукописи свои дни и ночи. Пришлось поднять бунт на корабле» (*Поляков Ю.А. Минувшее. Фрагменты (Воспоминания историка)*). Кн. 2. М., 2011. С. 64).

²⁷ *Метель О.В.* Сектор новой истории Института истории АН СССР на рубеже 30—40-х годов XX века // Учёные записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. Т. 162. 2020. Кн. 3. С. 199.

²⁸ АРАН, ф. 1577, оп. 5, д. 132, л. 14—16.

²⁹ См.: *Шарова А.В.* Дисциплинированные учёные: Институт истории АН СССР в 1939—1940 гг. // Советская гуманитаристика: мечты и прагматика в 1920—1950-е гг. М., 2020. С. 234—243.

том уже в 1944 г.). Новый план отразил сдвиги в советской идеологии. Греков объявил, что приоритетной темой для ИИ станет история отечественной государственности. Также он должен стать координирующим центром создания истории народов СССР. Особое внимание планировалось уделить 5-тому изданию «История русской культуры», бросить много сил на завершение многотомной «Истории коллективизации», возобновить подготовку к изданию «Исторического словаря», предшествующего «Исторической энциклопедии»³⁰.

Стоит отметить, что обсуждение плана высветило существенные различия в организации работы в подразделениях ИИ. Так, оказалось, что сотрудники секторов, специализировавшихся на зарубежной истории, занимаются преимущественно индивидуальной монографической работой, в то время как специалисты по отечественной истории вовлечены в коллективные труды и на собственное научное творчество времени у них просто не хватает. Эту проблему подняли на заседании Учёного совета 7 февраля 1945 г. по ходу обсуждения доклада Грекова «О работе института за 1944 г. и о перспективном плане на 1945 г.». А.Д. Удальцов подметил одну особенность — коллективные работы почти всегда буксуют, а вот индивидуальные планы выполняются в срок. М.В. Нечкина призвала дать больше творческой свободы: «Почему же наши сотрудники, которые могут написать монографии, лишены практически этих возможностей... у нас получилось так, что коллективные работы поглотили силы всех сотрудников, и только некоторые счастливицы смогут написать монографии в будущем году. В то же время мы признаём, что коллективная работа не является ведущим звеном, а хотим сделать таким монографию... Неверно заполнять весь план коллективными работами, нужно давать возможность сотрудникам для творческой работы»³¹. Поворот в сторону монографий поддержало и партийное бюро, что и отразилось в резолюции партсобрания ИИ от 24 января 1946 г. («основной формой работы следует признать форму монографического исследования»)³².

Но стремительное изменение идеологического климата в стране не способствовало этому. Идеологические кампании, наоборот, всячески стимулировали коллективизм. Ю.А. Поляков вспоминал: «1949 год нагнал страху, и сотрудники не спешили со своими монографиями»³³. Во-первых, для сталинской эпохи были характерны мегапроекты, важной чертой которых являлась демонстративная монументальность. Во-вторых, не теряла актуальности задача предложить власти «продаваемую» идею, чтобы показать свою значимость. В-третьих, коллективные труды оказывались формой перестраховки от индивидуальных ошибок в условиях быстро меняющейся политической конъюнктуры. Конечно, это выхолащивало оригинальные идеи, делая тексты стерильными и приемлемыми с точки зрения идеологии. Однако коллективные труды предполагали и коллективную ответственность, что существенно снижало накал критики по отношению к конкретным историкам. Многочисленные обсуждения их текстов позволяли тянуть время в непростой ситуации.

Во многом по этим причинам многочисленные планы Грекова остались нереализованными. Только в 1953 г., уже при новом директоре А.Л. Сидорове, увидел свет первый том «Очерков истории СССР». Согласно воспоминаниям

³⁰ АРАН, ф. 1577, оп. 2, д. 79, л. 2—20.

³¹ АРАН, ф. 1577, оп. 2, д. 101, л. 27—29.

³² ЦГА Москвы, ф. П-211, оп. 2, д. 6, л. 11.

³³ Поляков Ю.А. Минувшее... Кн. 2. С. 73.

одного из его редакторов Н.И. Павленко, издание готовились выпустить ещё в 1952 г., но последовал звонок из ЦК с требованием подчеркнуть в книге добровольность вхождения народов СССР в состав России³⁴. Но и без этих вмешательств процесс подготовки представлял непростое предприятие: «Для создания громадного феодального восьмитомника (восемь томов “Очерков”, посвящённых феодальному периоду. — *В.Т.*) нужно было привлечь уйму специалистов. Текст написан был заново. Каждый писал по типу “кто во что горазд”. Адов труд был “выбить” тексты из авторов (особенно по народам — писали, как правило, на местах). Начались бесконечные обсуждения, рецензирования и т.п. Так, в качестве рецензии на первый вариант XVII в. я написал разбор страниц на 150. Новосельский и Устюгов (особенно последний) фактически сами переписали весь том, оставив фамилии первоначальных авторов»³⁵.

В 1952 г. вышел первый том «Истории Москвы». В течение следующих лет появились другие тома. Сложнее всего дело обстояло с советским периодом: коррективы внёс XX съезд. На отчётном собрании 8 января 1957 г. Сидоров признавался: «Вторая трудная работа — это работа по “Истории Москвы”. Так хочется поскорее завершить эту работу! Это одно из многотомных изданий, которое над Институтом висит. И что самое обидное, у нас не получилась социалистическая Москва. У нас досоциалистическая Москва сделана, тома напечатаны, а социалистическая Москва была сделана до съезда. После съезда опять внимательно просматривали. Сейчас находится в издательстве и вновь издательство не особенно торопится её издавать»³⁶.

Прорыв в издании многотомников наметился в 1955 г. Из печати вышел первый том «Всемирной истории», ещё шесть томов вышли в макетах для обсуждения. Сидоров отмечал, что издание началось в атмосфере «инерции неверия в возможность справиться с этой задачей»³⁷. В то же время именно при новом директоре произошел радикальный поворот в определении приоритетных форм наукотворчества: был взят курс на превращение монографии в главную его форму. Отчитываясь за проделанную в 1956 г. работу, Сидоров заявил: «Мы добились того, что в плане Института 1956 года монографии занимали главное место, а в плане нашей работы на 1957 год монографии занимают подавляющее место... Теперь особенно необходимо не только со стороны секторов, но и со стороны дирекции обеспечить преобладающее повседневное внимание монографиям». Он подчеркнул: «Дальнейшая работа Института может успешно и творчески развиваться только при условии, если Дирекция, все остальные органы Института и общественность будем оказывать всемерную поддержку авторам, работающим над монографиями»³⁸. Конечно же, коллективные труды никуда не исчезали, шёл поиск разумного баланса между ними и индивидуальным трудом.

При следующем директоре — В.М. Хвостове — возникла идея не продолжать «Очерки по истории СССР», а начать новую многотомную «Историю СССР». Предполагалось подготовить 11 томов, шесть из которых посвятить

³⁴ Павленко Н.И. Воспоминания историка. М., 2016. С. 115.

³⁵ Зимин А.А. Храм науки // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / Сост. А.Л. Хорошкевич. М., 2015. С. 91.

³⁶ АРАН, ф. 1577, оп. 2, д. 393, л. 21.

³⁷ Там же, д. 372, л. 6.

³⁸ Там же, л. 13, 14.

досоветскому периоду³⁹. Вскоре решили издавать 12 томов. В рамках ИИ появился специальный сектор по подготовке многотомника во главе с А.В. Фадеевым. Предполагалось, что новое издание будет более компактным и доступным для широкого читателя. Однако сразу же начались ожидаемые трудности с новым историографическим «левиафаном». На отчётном заседании Учёного совета 24 декабря 1964 г. Хвостов посетовал на хроническое нарушение сроков сдачи текстов. Но и сдача не гарантировала необходимого качества материала. Типичной проблемой стало превышение объёмов, что в условиях строгого лимита создавало немало трудностей. Причем такая же проблема отмечалась и в отношении индивидуальных монографий. По мнению Хвостова, срывы имели место из-за слабого контроля: «Конечно, самый главный недостаток здесь, с которым мы встречаемся очень давно, но изжить который не удаётся (правда, принимались некоторые меры, чтобы его изжить), — это либеральность секций Учёного совета по апробации работ. Потом, после апробации, требуется большая дополнительная работа. Главных источников такой практики два. Первое — невнимательность. Никто в Учёном совете внимательно работу не прочёл. Второй источник — нежелание портить отношения». С места кто-то съязвил: «Это первый». Его поддержал смех присутствовавших. Не в силах изменить систему неформальных связей, Хвостов напирал на принципиальность и профессионализм сотрудников, а также инициативу со стороны руководителей секций.

Продолжил тему «Истории СССР» Фадеев, который кратко обозначил успехи и неудачи подготовки издания: «Надо сказать, что не так легко было наладить коллективную работу над этим изданием. Пример отличного выполнения своих авторских поручений подавали, с одной стороны, маститые учёные акад[емики] Дружинин, Нечкина, Хвостов, а с другой стороны, младшие научные сотрудники. Я могу назвать целый ряд имён: Новосельцев, Хорошкевич, Орлик и др. Они вовремя выполняли свои задания. Они старались вложить в небольшой раздел или главу не только свои знания, но и весь свой темперамент учёного-исследователя; темперамент — в самом хорошем смысле этого слова. К сожалению, у нас были и такие авторы, причём в ранге докторов исторических наук, которые прибегали к протоколно-описательной форме изложения... Но эта безответственность выражалась, например, в неуважении к товарищам по работе, к будущему читателю, когда автор представлял рукопись с превышением заказанного ему объёма в три и больше раз. И тут автоматически вступал в действие тот самый печальный фактор, о котором упоминал в своём докладе В[ладимир] М[ихайлович], — это нежелание редактора или руководителя обидеть того или другого заслуженного... И в результате авторские тексты, превышенные во много раз, написанные на недостаточно высоком теоретическом уровне... без учёта последних достижений нашей науки, по многу раз переделывались, на это попросту тратились время, бумага, срывались сроки всех коллективных работ»⁴⁰. Несмотря на трудности, первые четыре тома из первой серии и первый том из второй вышли в 1966—1967 гг.

Важно отметить, что «монографический вопрос» являлся не только технической или организационной проблемой. В годы оттепели он приобрёл и отчётливые идеологические коннотации, оказавшись в центре борьбы между сталинистами и их противниками. Так, в ходе дискуссии начала 1960-х гг.

³⁹ Очерки истории исторической науки. Т. V. С. 27—28.

⁴⁰ АРАН, ф. 1577, оп. 2, д. 531, л. 48.

о периодизации советской исторической науки доцент МГУ М.Е. Найдёнов пытался завуалированно отрицать негативное влияние на неё послевоенных идеологических кампаний. В частности, по его словам, именно в 1946–1956 гг. (т.е. до XX съезда) монографии якобы стали ведущей формой исследований, что позволяет расценивать это десятилетие как наиболее плодотворный период для советских историков⁴¹. Против такого утверждения выступил С.О. Шмидт, продемонстрировавший, что перечисленные монографии только опубликованы в первое послевоенное десятилетие, а подготовлены были ранее⁴². Он указывал, опять-таки завуалированно, что идеологические погромы затормозили развитие науки⁴³.

Вообще оттепельные процессы способствовали стремлению историков закрепить монографию в качестве ведущей формы научного труда. В 1965 г. в главном идеологическом рупоре СССР – журнале «Коммунист» – вышла статья Нечкиной с размышлениями о роли монографии в развитии науки. Рассуждая о соотношении между индивидуальным и коллективным трудом, академик поставила под сомнение необходимость тратить на коллективные работы столько сил: «Действительно, многотомники – крупные памятники истории науки. Но не слишком ли их много и не чересчур ли дорого они обходятся стране?»⁴⁴. Она задавала ряд неудобных вопросов: добавляют ли многотомники что-то принципиально новое в науку? Много ли у них читателей? Не устаревают ли они сразу после выхода? По её мнению, многотомники отвлекают слишком много внимания и даже приводят к потере исследовательской квалификации их авторов.

Но времена менялись, либеральные тенденции постепенно сменялись охранительными. Разделение ИИ в 1968 г. на Институт истории СССР и Институт всеобщей истории создало ситуацию переходного периода. В этих условиях многотомные труды потеряли актуальность. Не сильно напирал на эту форму организации работы и П.В. Волобуев (директор в 1969–1974 гг.). Ситуация изменилась после разгрома «нового направления»⁴⁵, когда одной из форм контроля над работой Института стал акцент на коллективные труды, в которых можно минимизировать авторский взгляд. Кроме того, участием в них было проще реабилитироваться в глазах вышестоящих органов. «Коллективные труды, выполняемые по указке со Старой площади, это явная попытка реабилитации за “новое направление”. Коллективные труды (по истории рабочего класса, крестьянства, разных республик) превратились в настоящий бич для сотрудников Института. В отличие от монографий и разного рода “мелкотемья” (этот термин в Институте часто использует руководство) в коллективные

⁴¹ *Найдёнов М.Е.* Проблемы периодизации советской исторической науки // *История СССР.* 1961. № 1. С. 95.

⁴² *Шмидт С.О.* О предмете советской историографии и о некоторых принципах её периодизации // *История СССР.* 1962. № 1. С. 103–104.

⁴³ *Шмидт С.О.* Архивный документ как историографический источник // *Шмидт С.О.* Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 180.

⁴⁴ *Нечкина М.В.* Монография: её место в науке и в издательских планах // *Коммунист.* 1965. № 9. С. 80.

⁴⁵ *Поликарпов В.В.* «Новое направление» 50–70-х гг.: последняя дискуссия советских историков // *Советская историография.* М., 1996. С. 349–400; *Markwick R.D.* Rewriting history in Soviet Russia: the politics of Revisionist historiography 1956–74. Basingstoke; N.Y., 2001. P. 219–233; *Шенелева В.Б.* Историографическая судьба «нового направления» // *Мир историка.* XX век. М., 2002. С. 219–256.

труды крамола просочиться уже не может, ибо они проходят не через одно «сито» обсуждений. В результате всё в них «правильно», а новых идей нет»⁴⁶.

Одним из масштабных коллективных проектов стала «История народов Северного Кавказа с древнейших времён до наших дней». Этот труд предполагался первым в череде обобщающих работ по национально-территориальной тематике. Они должны были прийти на смену республиканским «Историям». В этом проекте нетрудно заметить стремление обосновать «новую историческую общность — советский народ». По инициативе нового директора ИИ А.Л. Нарочницкого также обсуждались проекты подготовки историй Средней Азии и Казахстана, Закавказья и Прибалтики. Однако сбыться полностью этим планам было не суждено: в 1979 г. на фоне конфликта с академиками Отделения истории АН СССР Нарочницкий оказался забаллотирован⁴⁷. После его ухода попыток переориентировать Институт на коллективные труды больше не наблюдалось. Возникла ситуация равновесия: монографии и коллективные проекты дополняли друг друга, а не подавляли. Историки, склонные к самостоятельному творческому поиску, могли найти себя в авторских исследованиях, в то время как склонные к технической работе — в совместных.

Описанное выше «шараханье» между коллективными и индивидуальными формами научной работы во многом обусловлено организационными особенностями советской академической модели. С одной стороны, академические институты ориентировались на «индустриальное», «поточное» производство научного знания. С другой — при создании ИИ возникло фундаментальное противоречие: в общественных науках фигура исследователя-одиночки никуда не исчезла. Именно это создало ситуацию, когда организационная структура приобретала гибридные формы: наличие значительных организационных и интеллектуальных ресурсов позволяло запустить очередной многотомный проект, но стремление к научному самовыражению не позволяло отказаться от монографии как формы исследования. Порой эти подходы сталкивались, мешая друг другу.

Многое зависело от политического контекста и руководителя. Заметно, что во время общественно-политической либерализации «зелёный свет» давался индивидуальному творчеству, в то время как многотомники оказывались формой коллективной перестраховки (в случае обнаружения идейных ошибок виноваты все и одновременно никто). Именно из-за этого коллективные труды процветали в сталинское время и их краткий ренессанс приходится на 1970-е гг., когда давление на Институт усилилось после разгрома «нового направления».

⁴⁶ Шелохаев В.В. Дневник историка. М., 2013. С. 33.

⁴⁷ См.: Черняев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972—1991 годы. М., 2008. С. 358; «...И мучилась, и работала невероятно». Дневники М.В. Нечкиной. М., 2013. С. 563; Булдаков В.П. «Мы уже все были оттаявшими, причём напрочь»: интервью (URL: <http://oralhistory.ru/talks/orh-2044.pdf>).